

Кошмило Олег Константинович

**ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СУВЕРЕННОСТЬ СЛАВНОГО ИЗБЫТКА И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ
АВТОНОМНОСТЬ ПРИБЫЛИ В ФИЛОСОФИИ ЖОРЖА БАТАЯ**

Статья актуализирует представление французского мыслителя Жоржа Батая об автономной свободе капиталистической оценки вещи, вытесняющей её онтологическую суверенность. Этот подход будет интересен специалистам в области онтологии и философии экономики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/25.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 82-84. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 111.1

Статья актуализирует представление французского мыслителя Жоржа Батая об автономной свободе капиталистической оценки вещи, вытесняющей её онтологическую суверенность. Этот подход будет интересен специалистам в области онтологии и философии экономики.

Ключевые слова и фразы: Батай; суверенность; вещь; слава; прибыль; оценка; ноль; автономия; труд; потребление.

Олег Константинович Кошмило, к. филос. н.
*Кафедра философии и социальных коммуникаций
Санкт-Петербургский торгово-экономический институт
koshmilo-ok@yandex.ru*

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СУВЕРЕННОСТЬ СЛАВНОГО ИЗБЫТКА И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ АВТОНОМНОСТЬ ПРИБЫЛИ В ФИЛОСОФИИ ЖОРЖА БАТАЯ®

В экономической онтологии Жоржа Батая утверждается, что возникающий в XVI-XVII вв. капиталистический способ назначения потребительской ценности вещи основан на вытеснении её сокровенной суверенности. Пустота автономной свободы субъекта, заявленная картезианским императивом рационального сомнения, противостоящего императиву мистической веры, на месте прежнего образования жертвенного и славного избытка полагает проектирующую возможность извлечения прибыли и неизменно связанный с ней риск потерь [1, с. 261, 372-373]. Спонтанная свобода субъекта капиталистического проектирования прибыли оформляется иррациональным пределом нуля в двойственности его количественного и качественного параметра как счётной бесконечной малой величины и как центральной точки отсчета системной координации объекта. Вертикальный вектор измерения, бесконечно возвышаясь, количественно уточняет *цену* оценивающего деления, и наряду с этим с зеркальной пропорциональностью происходит уточнение качественного интегрального монополюса бесконечно расширяющегося горизонта оцениваемых объектов как пространства *рынка*. Капитализм основывает извлечение прибыли на математике автономно-произвольного смещения субъективно-идеального понятия, трансцендентальной единицы дифференцирующей оценки и объективации реальной вещи в предмет потребления [Там же, с. 94].

Капиталистический способ уравнивания потребления и производства избирает своим фундаментом произвол хоть и математически точной, но субъективной оценки, символически уравниваемой в горизонте рыночного консенсуса. То есть, отказывая теоцентричному полюсу мира в праве присваивать благодатный избыток [Там же, с. 92], новая эпоха тем не менее сохраняет сам порядок его образования, в котором избыток как уже прибавка прибыли образуется делением реального числителя объективного предложения на трансцендентальный знаменатель принципиально субъективного спроса [Там же, с. 384]. Математически оформленная нулевая пустота автономной свободы на высочайшем онтологическом уровне со всей мощью интеллектуального авторитета вменяется Кантом в моральный императив и оказывается главным ресурсом функционирования машины капитализма. В силу эмпирической недостижимости своего референта коренящийся в бесконечном стремлении к нулевой точности автономный спрос теоретически содержит в себе бесконечную возможность «рождать» предложение, производить новые потребности, расширять рынки, повышать рентабельность, изобретать всё более сложные и эффективные машины производства и т.д.

Функционирование машины капитализма, заправленной неисчерпаемым топливом автономного смещения к воображаемому нулю, основано на достижении взвешенности внутри нескольких пар противоположностей. Общим фоном капиталистической деятельности является количественная горизонталь напряжения между реально-предметной сферой товаров и идеально-символической сферой денежных знаков. Спор денежной и товарной масс сродни происходящему на морском берегу драматичному соперничеству водной стихии штормящего моря и косной стихии земного берега. Питая эмпедоклову ненависть, одна стихия со всей динамичной мощью обрушивает водную массу денег на статичную массу земли товаров, но товарная стихия в своей косности столь же ненавистно и упорно отражает удары денежной массы.

Другим порядком системы капитализма является вертикальное напряжение между единичной ценой и единичным товаром. Синхронно происходящие оптимизации этих единичных крайностей вертикального баланса устанавливают и регулируют два порядка конкурирования. Сообщество потребителей, обладая всей совокупностью денежной массы, конкурирует внутри себя в отношении тендерного назначения символически взвешенной цены на конкретный товар. А производящее всю совокупность товарной массы сообщество производителей мотивировано конкуренцией в отношении оптимизации качества производимого товара. Потребительское предпочтение или непредпочтение единичного товара инвестирующим образом определяет или развитие производства, или, напротив, его угасание вплоть до полного разорения (в инвестиционном плане качественного различия между покупкой пакета молока и покупкой акций выпустившего его молокозавода нет) [Там же, с. 273]. Денежная масса вкупе с конкурентным порядком потребительской балансировки единичной цены образует всю сферу спроса, то *небо* символически-идеальных значений, которое в прошлом было наполнено сокровенными именами языческих богов или трансцендентным Именем христианского

Бога. А товарная масса совместно с режимом производительной оптимизации конкурентного качества товара составляет всю сферу предложения – *землю* товаров, соответствующую прежней реальности суверенных вещей имманентной Природы или сотворенных Богом даров [Там же, с. 190].

Обе оси – горизонталь общих количеств товаров и денег и вертикаль единичных цены и качества – наверняка могли бы достичь внутри себя и относительно друг друга состояния равновесия. Но в том-то всё и дело, что в таком нулевом равновесии не заинтересована сама субъективность потребления и производства, не заинтересована, поскольку тотальный баланс полностью исключает создание самой прибыли, той «проклятой доли», что центрирует всеобщий горизонт алчного ажиотажа капиталистического сообщества [Там же, с. 143, 222]. По словам Батая, капиталистическая система «либо растет, либо хиреет», «перестав увеличиваться, капитал обрушивается» [Там же, с. 262]. Относительная сбалансированность функционирования системы капитализма предполагает абсолютный *дисбаланс*, в основе которого неуравновешенность единицы субъективной оценки, рефлексивной самооценки, бесконечно разомкнутой относительно нуля. Эта ир-рациональная разомкнутость и образует саму возможность воспроизводства «проклятой доли» маржи, в присвоении которой осуществляется желание автономного субъекта быть владельцем, быть богом этой прибыли, то есть просто быть богом, смертным богом в смысле Канта [Там же, с. 241].

Батай разделяет гнев Маркса по поводу алчного произвола капитала, наполняющего суверенную в прошлом вещь своим субъективно-символическим значением, в результате чего суверенная вещь безжалостно объективируется в средство по извлечению наслаждающей прибыли и превращается в зеркало нарциссического отражения воли к могуществу субъекта капитала [Там же, с. 226]. Правда, Маркс обрушивает свою ярость, прежде всего, на способ капиталистической оценки труда рабочего, который в условиях капитализма превращается в нещадно эксплуатируемый и проституируемый объект, а Батай видит в такой капиталистической объективации, товарной фетишизации человеческого труда частный случай трансцендентального отношения к онтологической суверенности вещи вообще [Там же, с. 198]. Помимо онтологической расщепленности мира, экзистенциально переживаемой в отчуждении человека и мира сокровенных вещей, автономность капиталистической машины балансировки трансцендентальной цены и трудовой вещи имплицитно содержит в себе закономерную неизбежность экономических кризисов, неотделимых от буржуазной цивилизации. Камнем преткновения кризисных «проклятий» капитализма, по словам Батая, является краеугольный камень его основания в виде нулецентричной произвольности единицы капиталистической оценки. Бесконечно-свободная гуттаперчевость этой единицы обоюдоостро проваливается то в крайность потребительской недооценки вещи и доминирования спроса над предложением, то в крайность производительной переоценки вещи и доминирования предложения над спросом. Потребительская недооценка, мотивируемая элементарным желанием спроса поменьше заплатить за покупаемый товар и выгадать прибавку, ведет к вздутию денежной массы, а далее увеличение её количества переходит в занижение качества её единиц, то есть в *инфляцию*. Производительная переоценка, движимая простым мотивом предложения побольше получить за продаваемый товар, то есть получить, собственно, прибыль, ведет к перенасыщению товарного рынка, падению цен и затем к разорению производств, массовым увольнениям и безработице [Там же, с. 273-274].

Убедительно доказав неизбежность кризисов при капитализме, Маркс не только поставил диагноз злокачественной опухоли экономики прибыли, но и выписал рецепт по её излечению в виде теории коммунизма. Теоретическим обстоятельством коммунистической критики капитализма стало критическое отношение самого капитализма к прежней эпохе. Так, в частности эпоха Средневековья изобличалась в несправедливости трудового закабаления низших сословий высшей кастой феодальной элиты, которая оправдывала произвол своего паразитарного потребления религиозно-мистической риторикой [Там же, с. 197, 404]. Способом преодоления этой несправедливости и стала развившаяся в Новое время капиталистическая действительность распределения материальных благ в условиях свободного рынка, чья «невидимая рука» как будто справедливо оценивает и вознаграждает каждого по его предпринимательской инициативе и трудам. В своих свободолюбивых декларациях капитализм производит переоценку прежней «бесполезно»-мистической ценности в ценность полезного потребления автономного буржуазного индивида [Там же, с. 255, 379]. На деле же божественный произвол сменился рассмотренным выше автономным произволом капиталистической оценки, и вместо «бесполезного» услужения Богу человек впал в бесславное услужение немилостивому капиталу [Там же, с. 249]. И теперь уже в избавление от этой напасти Маркс онтологически обращает автономно-субъективную оценку со стороны материального потребления в суверенную ценность труда, что ведет своё происхождение от суверенности реальной вещи, предшествующей всякому идеальному оцениванию [Там же, с. 196-198].

С той или иной степенью адекватности теория Карла Маркса нашла своё воплощение в практике существования СССР [Там же, с. 199-200]. Определяющим фактором советской экономики стала основанная на обобществлении средств производства государственная монополия на политику регулирования стихии товарного производства, а главное – на политику регулирования цен на его продукты, полностью исключавшую бешенство их рыночной волатильности. Созданное Сталиным государство различными методами внеэкономического свойства [Там же, с. 201-214] было возведено в ранг религиозного абсолюта, наподобие то ли языческого Молоха, то ли христианского Бога, поскольку, как оправдательно замечает Батай, «без насильственных стимулов Россия не могла бы выкарабкаться» [Там же, с. 213]. В результате Советское государство реинкарнировало мистическое право на получение прибыли в виде жертвенной славы и престижа, единственным владельцем которых в космоцентричном язычестве были боги, а в теоцентричном Средневековье – Бог.

Усиленный победой во Второй мировой войне международный авторитет СССР возвёл его на высоту суверенно-идеологического образца политико-экономической идентификации для той части мира, которая

напрочь отринула для себя возможность вовлечения в цивилизационную орбиту влияния богатого либерального секулярного Запада во главе с США. В отличие от СССР, которому по итогам Второй мировой войны досталась *слава* победителя, США извлек из них самую что ни на есть экономическую *прибыль*, став богатейшим государством мира, то есть став его экономическим богом [Там же, с. 211, 383]. Напряженное противостояние советского бога суверенной славы и американского бога автономной прибыли определило всю геополитическую карту мира во второй половине XX века [Там же, с. 205, 219, 396-398]. По мере угасания советской веры, спадавшей по причине онтологической несостоятельности всего круга марксистско-ленинской идеологии, стал постепенно сходить на нет и морально-идеологический ресурс советской экономики как её главный ресурс, и не столько экономический, сколько идеологический кризис конца 1980-х гг. привёл к тому, что СССР катастрофически сошёл с исторической сцены. Советский бог умер, но и американский бог здравствовал недолго. В работе Жоржа Батая «Проклятая доля», опубликованной в 1949 году, говорится, что «без СССР, без политики напряженности, которую он проводит, капиталистический мир наверняка не смог бы избежать паралича» [Там же, с. 227]. Событие мирового финансового кризиса, потрясшего в 2008 году весь мир и определяющего его текущее состояние, является исполнением этого объясняющего причину кризиса предсказания, произнесенного еще 60 лет назад.

Функционирование системы капитала как системы всего западного мира изначально было фундировано ожесточенным противостоянием системы и среды, системы, автономно регулирующей себя как знаменатель, и среды, превращенной в трансцендентный числитель. «Это предполагает наличие за пределами системы сил еще не усвоенных, но усвояемых – будь то отсталые страны или сферы еще не использованных возможностей (возникающих вследствие новых изобретений)» [Там же, с. 274]. С учётом сводок последних новостей слова Батая можно понять так, что ресурс системы западного мира, основанный на безграничном потенциале нулевой истины капиталистической оценки, вопреки теоретическим ожиданиям, на практике оказался исчерпаемым. В «усваивающем» охвате капиталистической машиной всего мира цивилизация «американской коалиции» достигла своего предела и, по-видимому, начала ход сжатия к своему истоку. Границу безграничному произволу этой имманентно-воображаемой оценки поставила сама трансцендентно-суверенная вещь мира.

Список литературы

1. Батай Ж. Границы полезного: отрывки из неоконченного варианта «Проклятой части» // Батай Ж. «Проклятая часть»: сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. 742 с.

GLORIOUS EXCESS ONTOLOGICAL SOVEREIGNTY AND PROFIT TRANSCENDENTAL AUTONOMY IN GEORGES BATAILLE'S PHILOSOPHY

Oleg Konstantinovich Koshmilo, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy and Social Communications
St. Petersburg Trade and Economic Institute
koshmilo-ok@yandex.ru

The author actualizes the French thinker Georges Bataille's idea about the autonomous freedom of thing capitalistic evaluation displacing its ontological sovereignty and shows that this approach will be interesting to the specialists in the field of ontology and philosophy of economy.

Key words and phrases: Bataille; sovereignty; thing; glory; profit; evaluation; zero; autonomy; labour; consumption.

УДК 111.1

В статье речь идет об экономической онтологии Жоржа Батая, чья периодизация общеэкономической истории мира включает три этапа с различной локализацией основания фундаментального для экономики баланса спроса и предложения. Этот подход будет интересен специалистам в области онтологии и философии экономики.

Ключевые слова и фразы: Батай; бытие; экономика; спрос; предложение; трансцендентность; имманентность.

Олег Константинович Кошмило, к. филос. н.
Кафедра философии и социальных коммуникаций
Санкт-Петербургский торгово-экономический институт
koshmilo-ok@yandex.ru

ТРИ ЭПОХИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МИРА В ТЕОРИИ ЖОРЖА БАТАЯ[©]

Жорж Батай, представляя мир как экономическую макросистему, масштабирует основной закон её баланса до закона сохранения космической энергии, прямо объявляя первый закон частным случаем последнего